

КОНКОРДИЯ
АНТАРОВА

Часть II

ДВЕ
ЖИЗНИ

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН
С КОММЕНТАРИЯМИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-313.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Антарова, Конкордия Евгеньевна.
А72 Две жизни. Часть II : мистический роман с комментариями /
Конкордия Антарова. — Москва : Эксмо, 2025. — 544 с.

ISBN 978-5-04-121224-7

Каждый том этого романа можно рассматривать как самостоятельное произведение. В этом романе есть все — захватывающий сюжет, интрига, мелодрама, мистика, борьба добра и зла, черные маги, погони и преследования. Но помимо всего, тут есть нечто, что превращает его в подлинный источник духовной мудрости Востока, а именно — изложение основ философско-эзотерических знаний и психологических закономерностей духовного развития человека.

Приключения героев второй части романа К. Антаровой вновь связаны с борьбой добра и зла, а также с поиском нелегких путей к самопостижению. Захватывающая интрига романа разворачивается на фоне семейной драмы одного из аристократических домов Лондона. Силы зла вновь стараются вторгнуться в жизнь достойных и благородных людей, но сотрудники Великого Белого Братства бесстрашно вступают в борьбу с коварными замыслами посланцев тьмы.

Данная книга — своеобразная энциклопедия семейной жизни, правдивые жизненные примеры которой показывают самые распространенные ошибки и заблуждения людей в построении семейных отношений.

Кармические связи между членами семьи, смерть и посмертное бытие сознания, перевоплощения, принципы духовного самосовершенствования и прочие глубоко философские вопросы находят афористичное, простое, жизненное отражение на страницах этого повествования.

Как и первый том романа, эта книга читается на одном дыхании и станет лучшим подарком ценителям подлинных нравственных ценностей и бессмертной мудрости Востока.

УДК 821.161.1-313.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-121224-7

© Миланова А., предисловие, комментарии, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

— Содержание —

Глава 1. БЕГСТВО КАПИТАНА Т. И НАЛЬ В ЛОНДОН И ИХ СВАДЬБА	7
Глава 2. О ЧЁМ МОЛИЛСЯ ПАСТОР. ВОСПОМИНАНИЯ ДЖЕННИ	63
Глава 3. ПИСЬМА ДЖЕННИ, ЕЁ РАЗОЧАРОВАНИЕ И ВНУТРЕННЯЯ БОРЬБА	79
Глава 4. ВАЖНОЕ СОБЫТИЕ В СЕМЬЕ ГРАФА Т. НА БАЛКОНЕ У НАЛЬ	95
Глава 5. СКАЧКИ	112
Глава 6. БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ПАСТОРА. ЕГО ЗАВЕЩАНИЕ	127
Глава 7. БОЛЕЗНЬ АЛИСЫ. ПИСЬМО ФЛОРЕНТИЙЦА К ДЖЕННИ. ВОСПОМИНАНИЯ НИКОЛАЯ	160
Глава 8. ЧТЕНИЕ ЗАВЕЩАНИЯ В ДОМЕ ПАСТОРА	180
Глава 9. ВТОРОЕ ПИСЬМО ЛОРДА БЕНЕДИКТА К ДЖЕННИ. ТЕНДЛЬ В ГОСТЯХ У ЛОРДА БЕНЕДИКТА	197
Глава 10. МИСТЕР ТЕНДЛЬ ДЕРЖИТ СЛОВО. ГЕНРИ ОБЕРСВОУД	216
Глава 11. ГЕНРИ У ЛОРДА БЕНЕДИКТА. ПРИЕЗД КАПИТАНА РЕТЕДЛИ. ПОРУЧЕНИЕ ЛОРДА БЕНЕДИКТА	245
Глава 12. ДОРИЯ, КАПИТАН И МИСТЕР ТЕНДЛЬ В ЛОНДОНЕ	282
Глава 13. ЛЕДИ ЦЕЦИЛИЯ РЕТЕДЛИ В ДЕРЕВНЕ У ЛОРДА БЕНЕДИКТА	306
Глава 14. ДЖЕЙМС РЕТЕДЛИ И ЛИЗА У ЛОРДА БЕНЕДИКТА .	318
Глава 15. ДЖЕННИ И ЕЁ ЖЕНИХ. СВАДЬБА ДЖЕННИ	347

Глава 16. СУДЕБНАЯ КОНТОРА. МАРТИН И КНЯЗЬ СЕНЖЕР	382
Глава 17. МАТЬ И ДОЧЬ. ДЖЕЙМС И АНАНДА. АНАНДА И ПАСТОРША. ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ НИКОЛАЯ И ДОРИИ	403
Глава 18. ВЕЧЕР У ЛОРДА БЕНЕДИКТА. СВАДЬБА ЛИЗЫ И КАПИТАНА	430
Глава 19. ЖИЗНЬ ДЖЕННИ И ЕЁ ПОПЫТКИ УВИДЕТЬСЯ С МАТЕРЬЮ И СЕСТРОЙ	451
Глава 20. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЛОРДА БЕНЕДИКТА И ЕГО ДРУЗЕЙ В ЛОНДОНЕ. ТЕНДЛЬ. ИСПОВЕДЬ И СМЕРТЬ МАРТИНА. ЕЩЁ РАЗ МУЗЫКА. ПРОЩАЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ	470
Глава 21. ДЖЕННИ И ЕЁ ВСТРЕЧА С СЭРОМ УОМИ	493
КОММЕНТАРИИ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ РОМАНА К.Е. АНТАРОВОЙ «ДВЕ ЖИЗНИ»	513
БИБЛИОГРАФИЯ.	542

Бегство капитана Т. и Наль в Лондон и их свадьба

Наль спешно покинула сад возле дома её дяди Али Мохаммеда и в сопровождении двух слуг, одним из которых был её двоюродный дядя в одежде слуги, а также кузена Али Махмуда и капитана Т., спряталась в доме капитана, где никогда ещё не бывала и даже представить себе не могла, что такое когда-нибудь произойдёт. Она выросла в непростой обстановке; с одной стороны, её подавляли гаремные традиции, а с другой — она имела возможность приобщаться к европейскому образованию и жизни цивилизованного и культурного общества, которые открыл ей Али Мохаммед, боровшийся против затворничества женщин повсюду, где только мог.

У Наль всегда были европейская одежда и обувь, к которым её, как бы играя, приучал дядя Али, вызывая тем самым негодование её старой тётки и синклита из муллы и его фанатиков-правоверных. Поэтому в доме капитана девушка без труда переделалась в костюм, приготовленный для неё дядей. Смеясь, она закутала молодого Али Махмуда в свой розовый свадебный халат и драгоценные покрывала. Она не плакала при расставании с братом, только обняла его, хотя в глазах обоих блеснули слёзы.

— Мужайся, Наль. Все случилось не так, как я предполагал, но... будь счастлива, вспоминай иногда меня и верь: если дядя Али сказал — так оно и должно быть. Если он тебя отдал в жёны капитану Т. — значит, таков твой путь. А счастье зависит от тебя. Не бойся ничего. Иди по жизни радостно и старайся до конца понять, зачем дядя создаёт тебе другую жизнь. Одно только помни: нам с тобою дан единый завет — верность до конца. Будь верна капитану так же, как ты верна дяде Али. И ты везде победишь.

Голос молодого Али дрожал, лицо было вдохновенно и прекрасно. Оно сейчас жило. Ничто в нём не напоминало маски того

полумёртвого существа, которое с отчаянием смотрело, как Наль подаёт капитану цветок.

— Время. Прощай, сестра. Я всегда буду тебе верным другом, и нет между нами ни расстояния, ни разлуки.

Взяв пару крошечных туфелек Наль в руки, завернувшись в её покрывало, Али выскользнул из дома и пропал во тьме.

Насколько просто было для Наль переодеться в европейскую одежду, настолько же трудно было ей побороть привычку носить паранджу и оставаться среди мужчин с открытым лицом. Когда капитан Т. постучал к ней и спросил, можно ли войти, ей было страшно ответить согласием. Увидев её в простом синем английском костюме и с распущенными до пола косами, перевитыми жемчугом, он пришёл в ужас.

Поняв, как нелепо она выглядит и как её выдают её косы, Наль не дала изумлённому капитану опомниться и отхватила ножницами свои косы до пояса. Она уложила их вокруг головы и надвинула глубоко на лоб шляпу.

Закутав её ещё в лёгкий шёлковый плащ сверху, капитан сказал:

— Унося отсюда дивный образ Али, мы пред ним — муж и жена, Наль. Мы оба повинемся ему, и оба будем до конца дней верны ему. Мы уходим без него, но он с нами. Если вы идёте без страха, мы победим и выполним поставленную нам задачу.

— Я не испытываю страха, капитан Т. Я его не знала никогда. Я ваша жена перед дядей и Богом. И верность моя Богу — это верность дяде и вам, — спокойно ответила Наль.

Слуги вынесли их небольшие чемоданы и уложили в коляску. Лошади сразу пошли быстрой рысью, и Наль стала привыкать к темноте.

— Я ни разу не была ночью на улице, даже за воротами сада, — шепнула Наль сидевшему рядом с ней капитану, которого еле узнавала в непривычной штатской одежде.

— Перейдём на английский язык, Наль. Теперь вы — жена лорда Т. Старайтесь держаться высокомерно до глупости, как вы читали в английских книгах. Вот вам густой вуаль. — И капитан помог Наль обвязать вокруг шляпы и спустить на лицо довольно плотный синий вуаль.

— Как это приятно, — засмеялась Наль. — Разыгрывая из себя гордую даму, я избавлюсь от назойливых разговоров.

— Не забудьте опираться на мою руку и до самого отхода поезда изображайте из себя великую даму-икону, для которой на свете существует три рода рабов разных социальных ступеней: я — муж и первый раб — устаиваюсь разговора. Ваш дядя — нечто вроде секретаря — второй раб, к которому снисходят до признания его человеком. А слуга — третий раб, кому только кивают или указывают жестами. Так живут всю жизнь знатные дамы. Так постарайтесь прожить одну-две недели, пока не выберемся на свежий воздух и не кончится наиболее скучная часть нашей жизни.

Наль не успела ответить, экипаж подкатил к освещённому вокзалу. Лорд Т. вышел первым, подал руку своей закутанной супруге и послал секретаря взять заранее заказанные билеты. Через несколько минут подошёл поезд, секретарь и слуга устроили своих господ в разных купе и прошли в другой вагон, где ехали сами.

Когда поезд тронулся, лорд лично пришёл посмотреть, как чувствует себя его супруга, любезно пожелал ей доброй ночи и сказал, что утром придёт её проводить. Все было так чуждо Наль, так незнакомо и неудобно. Личико у неё было такое растерянное, что лорд-муж спросил, уже выходя в коридор, не нуждается ли его супруга в секретаре. Обрадовавшись возможности побыть с дядей, Наль просила прислать его немедленно. Лорд послал за ним проводника и оставался в коридоре, перекидываясь со своей супругой малозначительными фразами до тех пор, пока не явился секретарь.

— Графиня желает написать несколько писем, у неё бессонница, — сказал лорд секретарю, который низко поклонился и вошёл в купе графини. Поцеловав руку жене, лорд, закрывая двери, шепнул мнимому секретарю: — Оставайтесь до шести часов. Я займу ваше место утром, а вы отдохнёте у меня в купе. Дайте Наль спать, сами дежурьте.

Вернувшись к себе, капитан Т. лёг на диван и, приказав себе — как это делал уже много лет — проснуться в шесть часов, мгновенно заснул.

Наль спать не могла. Всё её поражало. Дяде пришлось объяснять ей всё устройство вагона. Он рассказал ей также про весь их путь до Петербурга и описал, как выглядит гостиница в Москве.

— Не знаю, будем ли мы останавливаться там. Думаю, что нам надо мчаться во весь дух, чтобы как можно скорее быть в Лондоне, — говорил дядя-слуга.

— А как туда доедем?

— Сядем на пароход на Неве. Теперь установлено прямое водное сообщение. Через семь дней будем в Лондоне.

— Как? Семь дней будем ехать морем? — с удивлением сказала Наль.

— Да, морем. Я, к сожалению, плохо переношу поездки по морю. Придётся капитану Т. самому караулить на пароходе свою знатную жену, — смеялся дядя. — Но мы с тобой выходим из ролей барыни и слуги. Чтобы тебе привыкнуть со своей ролью, важная дама, приступай к ночному туалету. В чемодане ты найдёшь лёгкое платье. Я посижу у окна, ты переоденься и ложись спать.

— Нет, дядя, спать невозможно. Я могу лечь, если ты желаешь. Но ведь от мыслей лопнет голова, если я хоть половины их не додумаю до конца.

Когда через час дядя окликнул племянницу, ответа он не получил. Старик улыбнулся и принялся за чтение. На его безмятежном спокойном лице старого философа не было заметно ни малейшего волнения. Ничто, казалось, не нарушало его равновесия. Он был таким же спокойным и трудоспособным сейчас, как и в привычной мирной обстановке своего окружённого виноградником дома, где он оставил многочисленную семью. Книга и делаемые им при шатком свете свечи заметки помогли ему не замечать мелькавших мимо станций. Он с удивлением поприветствовал капитана, тихо вошедшего в купе.

— Говорила, что спать не сможет, — лукаво улыбаясь, шёпотом сказал лорду Т. секретарь. — А вот и непривычная тряска, и стук колёс — все молодости нипочём.

Секретарь отправился в купе своего господина, а последний устроился на соседнем с Наль диване.

Наль всё спала, по-детски подложив ручку под щёку. Капитан заботливо закрыл щёлку в занавеске окна, через которую к волнистой головке уже подбирался солнечный луч, и снова сел на своё место. Он впервые видел Наль с закрытыми глазами. Чёрные длинные ресницы бросали тень на розовые щёки, прелестные губы улыбались. Эта почти детская жизнь принадлежала ему. Ещё вчера он считал невозможным не только быть соединённым брачными узами с Наль, но даже пройти жизнь вблизи от неё. А сегодня он едет с нею, получив её из рук Али. Едет, чтобы жить и трудиться, свободно любя её перед всем миром.

«Счастлив ли человек, если несёт ответственность за две жизни?» — думал капитан.

Отдавая ему Наль в жёны, Али сказал, что капитан теперь ответственен за две жизни, ибо Наль дитя, а он не только муж, но и первый друг-воспитатель.

«О да, — продолжал свои мысли капитан, — выше той любви, в которой человек согласен нести ответственность за жизнь любимого, и быть не может. Али доверил мне часть самого себя. Я должен продолжать его дело и помочь Наль раскрыть в себе все силы жизни».

— Дядя, знаешь, даже лень глаза открыть. А я хвалилась, что половину мыслей додумаю, — проснувшись, сказала вдруг Наль. — И знаешь, очень странный мне снился сон. Я всё время видела во сне капитана Т., и мне казалось, что это он сидит рядом, а не ты. И что я его жена, и что нас венчают по-европейски. Правда, смешно?

— Не очень, Наль.

Наль вскочила с дивана в полной растерянности.

— Как же это случилось, что вы здесь, а я сплю? — огорчённо сказала девушка.

— Мне не хотелось будить вас, а дяде надо было отдохнуть. Не смущайтесь. Надо привыкнуть играть роль моей жены. Не забывайте, что мы беглецы, и от нашего самообладания зависит, насколько талантливо мы сыграем свои роли, чтобы тем самым спасти наши жизни. И не только наши, но и всех тех, кто помогает нам в целом ряде мест одновременно в эти минуты. Трудно вам, Наль, путешествовать в первый раз в жизни, и особенно без женской помощи. Будем вместе стараться вести себя так, чтобы нас принимали за знатных и влюблённых супругов. Сейчас постарайтесь причесаться. В парикмахеры я не гожусь, хотя гримёр я хороший. Но критиковать вашу причёску — берусь.

— Если вы будете тихо сидеть у окна, капитан Т., я постараюсь причесаться так, как видела на модной картинке у дяди Али. Только не смотрите на меня, пока я не скажу.

— Не смотреть на ваши парикмахерские таланты до сигнала я берусь. Но на модную картинку — не согласен. Вы лучше выньте из волос все украшения и положите косы вокруг головы, как вчера.

— Как? Все, все украшения вынуть? Разве европейские женщины не носят украшений? Это очень скучно.

— Носят, Наль. Но в волосах они их носят только на балах и званых обедах, очень изысканно и умеренно. Такие предметы туалета, как шляпы и меха, используются в соответствии с условностями моды. Иная шляпа надевается только утром, другая — после обеда, а есть шляпы, которые носят только в пути.

— Как же это всё постичь, чтобы не сделать бестактности и не осрамить дядю Али или вас, капитан Т.? — с уморительной детской серьёзностью спросила Наль.

— Я думаю, Наль, что вам, постигшей такие большие духовные задачи и не менее трудные математические истины, не трудно будет понять внешние условные правила цивилизации того нового народа, среди которого мы будем жить. Для начала снимите весь жемчуг с кос и ваши драгоценности с шеи и ушей. Они чрезмерно ценны для поезда. Вы, наверное, найдёте среди уложенных вам в дорогу вещей какие-нибудь маленькие, скромные серьги. А волосы в дороге не украшаются ничем.

— Как странно. У нас именно в дорогу и надевается всё самое драгоценное, — ответила Наль.

Довольно долго капитан сидел, отвернувшись к окну, думая, как трудно будет Наль привыкать к новой жизни, на каждом шагу натываясь на затруднения.

— Ну вот, я готова, — услышал он за спиной.

Наль стояла перед ним в белой блузке и синей юбке. Волосы её были гладко причёсаны на пробор и уложены вокруг головы. Казалось, этой прелестной головке было тяжело выносить тяжесть заплетённых в косы волос, а непривычка к шпилькам заставляла Наль всё время пробовать рукой, на месте ли её косы. Сквозь тончайший батист просвечивало розовое тело рук и груди. Выражение огромных глаз было радостным, доверчивым. В них не было ни одного облачка сомнений или сожалений о покинутом доме и родных. Ни малейшей тревоги о неизвестном будущем — ничего сейчас не было на лице Наль, кроме желания получить одобрение капитана своему внешнему виду.

Уверив её, что всё в ней не оставляет желать лучшего, капитан проводил свою жену в умывальную комнату и остался ждать её в коридоре.

Мысли о Лёвушке — до сих пор его единственном близком спутнике жизни и путешествий — пробежали облаком в сердце капи-

тана. Лёвушка, возвратившийся с пира. Лёвушка, распечатавший письмо. Лёвушка, впервые пускающийся в жизнь без него...

«И здесь мой ответ за две жизни», — снова подумалось капитану.

Проводив Наль из умывальной комнаты обратно в её купе, лорд приказал проводнику позвать из своего отделения секретаря. Секретарь, человек опытный и немало путешествовавший в жизни, устроил все дела по части завтраков и обедов на весь путь. Наль не знала никакого беспокойства насчёт этой стороны дела, всё подавалось супругам в их купе.

Первый день путешествия подходил к концу. Наль освоилась со своим новым бытом, и всё окружающее перестало её удивлять. Она больше не поражалась свободе обращения не закрытых паранджой женщин с мужчинами, но выходить из купе до полной тишины и темноты ночи она отказывалась. Без всяких приключений, сменяясь на дежурстве при ней, доехали наши путники до Москвы. Наль ни слова не спросила о том, как они минуют Москву, а очутившись в новом поезде на Петербург, чувствовала себя свободно.

Часто замечал капитан напряжённые мысли на её лице, но не мешал ей решать свои вопросы одной.

В переполненном петербургском поезде им пришлось ехать всем в одном купе, чему Наль, уже успевшая несколько привыкнуть к тому, что её лицо открыто, очень радовалась.

Она, казалось, не замечала встревоженного вида дяди в Москве, когда тот шёпотом что-то говорил капитану. Она была ровна и спокойна и в Петербурге, где их встретили двое незнакомых людей и очень торопили на пароход. Поражённая великим городом, она с сожалением сказала:

— Проехать мимо всех этих красот, не заглянув даже ни в один дом! Какая жалость, капитан Т.!

— Не зная хорошо языка народа, посмотреть бегло на его дома и галереи — это тоже жалость, Наль. Будет время, и вы ещё увидите много народов и всех красот, ими созданных, познакомитесь с их жизнью и сможете, если захотите, вплести свой труд и красоту в их жизнь. Не спешите узнать всё сразу. Сейчас помните только, что вы — знатная дама, моя жена. Жизнь на пароходе, с его табльдотом, вам будет труднее поезда.

Наши пассажиры вошли на пароход со вторым гудком. И только когда пароход отчалил, Наль заметила, как разошлись суровые морщины на лице капитана и как легко вздохнул её дядя.

— Если бы здесь был дядя Али, — прошептала Наль капитану, — он рассказывал бы мне обо всём и видел бы во мне усердного слугу-помощника своим заботам. А ему я только племянница, а не жена.

— Упрёк ваш мне тяжёл, Наль. Особенно тяжёл потому, что и я, как Али, вижу в вас друга и помощника. Но пока мы не встретимся с Флорентийцем и не будем обвенчаны, я ничего не могу вам сказать. Даже того, куда и зачем мы едем.

— Если вы не говорите мне ничего только потому, что вы связаны словом, данным дяде Али, — я совершенно спокойна. Я думала, что вы уже не любите свою маленькую жену, которая ничего не знает, даже не понимает, как ей вести себя на пароходе.

— Простите, граф, что я прерываю вашу беседу с женой, — подошёл к капитану Т. капитан парохода, обращаясь к нему на английском языке и считая в порядке вещей, чтобы русский граф знал его язык. — Ваши места оказались врозь с вашей очаровательной женой, — кидая восхищённый взгляд на Наль и кланяясь ей, продолжал капитан парохода. — Но так как вы едете от места и до места, я могу предоставить вам самую лучшую каюту, в которую не явились пассажиры. Если вам угодно, я велю отыскать вашего секретаря и укажу ему каюту.

— Я чрезвычайно тронут вашей любезностью. Если вас не затруднит устроить нас вместе, а моё место передать моему секретарю, мы будем вам очень благодарны.

— Помилуйте, я сам предложил вам. Я буду очень счастлив служить вашей супруге и вам чем только могу в течение всего нашего пути, — ответил, снова галантно кланяясь Наль, капитан парохода.

— Как же мы с вами поедem вместе в одной комнате, капитан Т.? — подавляя волнение, сказала Наль.

— Ничего, друг, не беспокойтесь. Вы ещё не знаете, как будете выносить качку, ваш дядя её переносит плохо. Если окажется, что вы плохо переносите качку, то будет лучше, если братом милосердия при вас буду я, чем кто-либо чужой.

— Мне очень страшно здесь. Это гораздо хуже, чем поезд. И почему все так смотрят на меня? — тихо спрашивала Наль, стараясь скрыть смущение.

— Нельзя, невысказано быть такой прекрасной, Наль. И я даже не могу сердиться на этих людей, которые — от матросов до капитана и от юношей до стариков — как ошалелые смотрят на вас. Если бы я был на их месте и имел бы право только исподтишка смотреть на вас, а не откровенно вами любоваться, как я это делаю сейчас, я бы всё себя точно так же. А потому не могу на них сердиться.

Наль вспыхнула, улыбнулась мужу и сказала:

— Услышать это от вас сейчас — большая поддержка для меня. Мне так много пришлось передумать за эти дни. У нас не такие обычаи, как у вас. У нас всё иначе между мужем и женой. Я думала, что вы уже недовольны, что уехали со мной.

— Когда мы очутимся в каюте, а не здесь на ветру, вы мне всё расскажете, что надумали, Наль. А пока укройтесь, пожалуйста, плащом, да, кстати, опустите и вуаль, чтобы непривычный ветер не испортил вам кожу.

— Или непривычная ревность не испортила сердце вашему мужу, — низко кланяясь графине, сказал подошедший секретарь. — Ваши каюты готовы, лорд, и даже украшены цветами, по приказанию капитана. Кроме того, ваши друзья из К. успели прислать графине два сундука с бельём и платьем, которые тоже уже стоят в каюте.

Капитан парохода, человек лет сорока, хороших манер и, очевидно, доброго характера, сам шёл уже навстречу обратившей на себя всеобщее внимание чете и проводил её до каюты.

— Вот так красавец-мужчина, — сказала своей подруге разряженная дама.

— Всю жизнь прожил — подобной живой красавицы-женщины и представить себе не мог, — говорил приятелю ловелас с моноклем в глазу и тросточкой в руках.

— Ну вот, придумали, — возразила дама. — Муж — это да! Это мужчина! И где только мог вырасти такой красавец. А жена — смазливиенькая, каких много.

— Это возмутительно, что вы говорите. Рост, пропорциональность, крошечные ручки и ножки, свежесть кожи — ну а уж глаза — это само небо, — продолжал франт.

Тем временем, как только пароход вышел в открытое море, Наль почувствовала себя плохо.

— Немедленно ложитесь в постель, — сказал граф, на руках внося Наль в каюту. Он позвонил горничной. — Вам сейчас помо-